

Григорий Степанович Гончаренко

*Доцент кафедры теории и истории государства и права
Ростовского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Ростове-на-Дону, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: qqc1953@mail.ru*

Изменяет ли время коррупцию?

Аннотация: в статье затрагиваются отдельные аспекты исторических этапов становления и развития коррупции. Опираясь на законодательные

нормы и научные подходы, автор рассматривает коррупцию как серьезную общественно-политическую проблему, как признак нестабильности общества, лежащий в основе формирования в стране системы коррупционных преступлений. Дается авторская оценка теоретических и практических положений, анализируются некоторые причины отсутствия единой научной позиции по поводу отнесения конкретных уголовно-правовых составов преступлений к коррупционным, что не позволяет однозначно толковать понятие «коррупционные преступления» в целом. Обосновывается авторский подход к определению преступлений коррупционной направленности, рассматриваются предложения по развитию уголовно-правового регулирования противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, исторический период, институты государственной власти, коррупционные преступления, преступления коррупционной направленности, национальное законодательство, научные исследования.

Grigoriy Stepanovich Goncharenko

Associate professor of the Department of theory and history of state and law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice in Rostov-on-Don, candidate of legal sciences, associate professor

Does time Change Corruption?

Annotation: the article touches upon certain aspects of historical stages of corruption formation and development. Based on the legislative norms and scientific approaches, the author considers corruption as a serious socio-political problem, as a sign of instability of society, which is the basis for the formation of a system of corruption crimes in the country. The article provides an author's assessment of the theoretical and practical provisions, explores some of the reasons for the lack of a common scientific position about the attribution of specific criminal law offences to corruption that does not allow us to interpret the notion of "corruption" in general. The paper substantiates the author's approach to the definition of corruption-oriented crimes, considers proposals for the development of criminal-legal regulation combatting corruption.

Keywords: corruption, historical period, institutions of state power, corruption crimes, corruption-oriented crimes, national legislation, scientific research.

В течение длительного исторического периода развития государств ученые и практики обсуждали различные подходы к определению понятия «коррупция», к ее теоретическому и практическому обоснованию. При этом откровенное «упрощенчество» во многом предопределило характеристики коррупции, при помощи которых оценивается ее нынешнее состояние, а также прогнозируется динамика распространения ее в России.

Начиная с Кормчей книги в процессе становления российского законодательства, развитие которого происходило под влиянием Византийского христианства, и заканчивая ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС, просматривалось воздействие общих идеальных норм и правил на регулирование действенных общественных отношений. А потому сегодня заключить, было это влияние положительным или отрицательным, достаточно сложно, однако вполне очевидно, что отсутствие такого сдерживающего фактора в настоящее время отрицательно сказывается на возможности правовой регламентации противодействия коррупции и борьбы с ней.

Коррупция — это особая тема, затрагивающая сегодня в той или иной степени все мировое сообщество (отличие лишь в масштабах ее распространения). Злоупотребление властью, полномочиями и предоставляемыми ресурсами со стороны правительства и государственных чиновников препятствует прогрессу наций и отрицательно сказывается на инвестиционном климате страны. Государственная политика практически во всех странах нацелена на сокращение числа негативных коррупционных проявлений, поскольку они несовместимы с эффективным функционированием государства, носят неблагоприятный характер, как с моральной, так и с юридической точки зрения. При этом важнейшая роль в борьбе с коррупцией отводится именно праву.

Анализируя феномен коррупции с точки зрения его временного исторического развития, следует отметить, что его зарождение как социального явления объективно можно связать с первоначальной узурпацией права управлять людьми и общим имуществом, появившегося задолго до возникновения государственности. Причем дошедшие до нас правовые памятники цивилизации подтверждают идею об одновременном возникновении и развитии коррупции и управленческого аппарата. Не избежала коррупционных проявлений и античная эпоха, при которой и появился сам термин «коррупция» в его социальном значении. Ее разрушительное воздействие привело, в частности, и к распаду Римской империи. В Средневековье понятие «коррупция» обретает уже церковное, каноническое значение и трактуется как дьявольский соблазн.

Новым этапом в развитии понимания коррупции стала эпоха Нового времени, ознаменовавшаяся образованием в Европе ряда централизованных государств. Коррупцию начали воспринимать как серьезную общественно-политическую проблему, как один из основных признаков нестабильности общества. Зарождение капитализма, индустриализация производственных процессов привели не только к экономическому взлету, но и к росту спектра общественного распределения и повышения значимости властных решений. При этом политическая власть все более отчетливо превращалась в товар. Т. Гоббс писал: «Люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения»¹.

В России становление коррупции как социального явления совпадает с периодом становления государственности (IX–X вв.). В Двинской уставной грамоте 1397 г. впервые упоминается посул (древнерусское название взятки, т. е. незаконное вознаграждение за осуществление официальных властных полномочий), а Судебник 1550 г. вводит систему наказаний за подкуп должностных лиц, связанных с судопроизводством.

Первым печатным памятником русского права стало Соборное уложение 1649 г., на формирование четырех глав которого о посулах оказал влияние единственный в России «московский антикоррупционный бунт» 1648 г.

В своих исследованиях С. М. Соловьев приводит факты противодействия коррупционным проявлениям в виде взяточничества при Иване Грозном и Петре I, которые пытались бороться с этим злом путем применения жесточайших наказаний — не только физического воздействия кнутом, но и смертной казни². Тем

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1988. С. 229.

² См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. Т. 16, кн. 8. С. 485–497.

не менее, по мнению В. О. Ключевского, при Петре I взяточничество и казнокрадство достигли небывалых размахов¹. Некоторые из них нашли отражение в обнародованных записках «О русской истории XVIII века» А. С. Пушкина.

К концу XIX в. российские исследователи А. Градовский, В. Ключевский, Н. Коркунов, Б. Чичерин, В. Ширяев и другие, подвергнув анализу историю российского государственного управления и его структуру, доказали, что без понимания и оценки исторического становления и развития самой государственности невозможно полноценное осмысление коррупции как негативного явления. В 1913 г. А. Я. Эстрин впервые ввел термин «коррупция» в отечественную юридическую литературу. Происхождение его было связано с переосмыслением научных подходов к теоретическому осознанию коррупционных проявлений, связанных в значительной степени с бурно развивающимися капиталистическими отношениями. Законодательство и научная юридическая литература этого периода начали исследовать и учитывать новые коррупционные правонарушения, связанные с участием служащих в предпринимательской деятельности и подкупе их сотрудниками коммерческих организаций, тем самым подтверждая факт практического распространения коррупции в государственном механизме управления. Введенное в 1903 г. Уголовное уложение, разделившее понятия «взяточничество» и «лихоимство», было более проработанным, нежели действовавшее Уложение о наказаниях 1945 г. Однако развернутый законопроект «О наказуемости лихоимства», где дача взятки рассматривалась уже как самостоятельное преступление, внесенный в Государственную думу 14.04.1911, министром юстиции рассмотрен не был. А принятый в порядке чрезвычайного законодательства Закон от 31.01.1916, повышавший наказание за мздоимство и лихоимство, в большей степени коснулся снабжения армии и флота.

Советский период характеризуется снижением интереса к научно-теоретическим исследованиям коррупции на фоне устоявшегося представления о ней как о каком-то феномене, свойственном лишь «загнивающему капитализму». Проводимая государством политика привела к становлению новой бюрократии, сохранившей за собой распределительные функции. Введенный в 1922 г. Уголовный кодекс (ст. 114) предусматривал высшую меру наказания за взятку. Жесткие карательные меры по борьбе со взяточничеством, вошедшие в постоянную практическую деятельность Советского государства, несколько уменьшили масштабы коррупции. Однако к середине 1950-х гг. стали зарождаться привилегии и льготы для высокопоставленных чиновников, что создавало благоприятную среду для их коррупционной деятельности. И к 70-м гг. XX в. коррупция уже пустила крепкие корни во все сферы экономики, а дефицит в СССР достиг значительных размеров. Не внес существенных изменений в правоприменительную практику и Закон СССР от 24.04.1962 «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», предусмотревший смертную казнь с конфискацией имущества за получение взятки в особо крупном размере. Этот период так называемого «развитого социализма» чем-то напоминал времена Николая I (период «апогея самодержавия»), который можно охарактеризовать одним термином — стагнация. При этом сам термин «коррупция» из идеологических соображений власти не признавали, допустив его в употребление лишь в конце 1980-х гг. Используя терминологию «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство», власти

¹ См.: *Ключевский В. О.* Терминология русской истории. М., 1989. Т. 4. С. 180.

отрицали существование понятия коррупции, а значит, и самого явления, тем самым заранее предопределяя неспособность к здоровой оценке и анализу этого негативного явления, а также любой форме борьбы с его проявлениями.

Современное восприятие коррупции в России сформировалось в конце XX в., и ее состояние оценивается учеными и специалистами как тревожное. Коррупцией насквозь пронизаны государственные структуры, бюджетно-финансовая система, бизнес. Она превратилась в опасный тормоз демократических преобразований, препятствуя реализации административных реформ, сводя на нет результаты многих государственных программ, ставя под угрозу национальную безопасность, создавая реальную угрозу конституционным завоеваниям, правам и свободам граждан. За последние шесть лет следственным комитетом России направлено в суд более 50 тыс. уголовных дел о коррупции. Фигурантами дел стали более 3,6 тыс. лиц, обладающих особым правовым статусом. Среди них – 27 следователей органов внутренних дел, 21 сотрудник Следственного комитета, 11 прокуроров, 42 адвоката, 56 членов избирательных комиссий, 130 муниципальных депутатов, 116 глав муниципальных образований, 13 депутатов органов законодательной власти, трое судей и др.¹ В августе 2017 г., например, «Газета.ру» сообщила, что за два с половиной года коррупция нанесла России ущерб на 130 млрд рублей².

К тому же коррупция в России стала настолько обыденным явлением, что большинство соотечественников уже считают себя экспертами в анализе уровня и системности ее распространения, а также предлагаемых мер противодействия, как например, в педагогике, медицине или строительной отрасли. Тем не менее в этом явлении присутствует и какая-то энигма. С одной стороны, о коррупции правящей элиты все действительно хорошо «осведомлены», с другой – отсутствие реальных мер наказания объявленным коррупционерам позволяет думать, что это явление – чуть ли не миф или предание. По данным судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2015 г. 91,1 % осужденных за преступления коррупционной направленности (по количеству составов преступлений) подвергнуты наказанию за дачу или получение взяток до 50 тыс. рублей. 7,6 % составляют дела с суммой взятки от 50 тыс. до 1 млн рублей. И только в 1,3 % уголовных дел сумма взятки превысила 1 млн рублей³.

Мониторинг, проводимый автором в течение нескольких лет среди студентов, преподавателей, юристов и специалистов в области правоприменения, свидетельствует о неоднозначном отношении этих категорий граждан к коррупции. Причем значительное количество респондентов не отрицают опасности коррупции, оговаривая при этом некоторые случаи, когда она помогает устранить нежелательные последствия или проблемы социальных отношений. В то же время они утверждают, что ее устранение почти невозможно (может, не стоит и пытаться), нужен системный сдерживающий и именно государственно-властный фактор, способный предотвратить переход к новому витку сетевой коррупции.

¹ См.: В 2016 году СКР расследовал 25 тысяч коррупционных дел. URL: <https://pasm.ru/archive/165841/> (дата обращения: 22.09.2017).

² См.: Коррупция нанесла РФ ущерб на 130 млрд рублей за 2,5 года. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/08/09/10825598> (дата обращения: 21.09.2017).

³ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.09.2017).

Следовательно, по нашему мнению, борьба с коррупцией должна вестись четко выстроенной системой уголовно-правовых средств, предполагающей выявление и закрепление в законодательстве универсальных признаков коррупционных преступлений. В действующих федеральных законах России есть понятие коррупции, но нет понятия коррупционного преступления. К тому же, до настоящего времени в Российской Федерации нет действующего законодательного акта, в котором бы прямо говорилось о том, какие именно преступления следует относить к числу коррупционных, хотя попытка закрепить соответствующий перечень была предпринята в законопроектах № 216592-3 (1995 г.) и № 164749-3 (1997 г.) «Основы законодательства об антикоррупционной политике», где приводился исчерпывающий перечень преступлений.

В настоящее время в юридической науке имеется множество научных подходов в части адекватного перечня коррупционных преступлений. В соответствии с одним из них авторы, наряду с обозначенными в ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ 2008 г. пятью составами, к коррупционным преступлениям относят оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ); провокацию взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа. Другие авторы к обозначенным выше статьям относят все преступления, в основе которых лежит взятка или подкуп.

В своих исследованиях Д. И. Аминов, В. И. Гладких, К. С. Соловьев упоминают лишь 15 коррупционных преступлений, однако они считают, что, в зависимости от стоящих перед коррупционером целей и задач, его деяния могут трансформироваться в более чем 30 видов коррупционных преступлений¹.

Б. В. Волженкин к перечисленным коррупционным преступлениям относит также мошенничество, присвоение и растрату, совершаемые с использованием служебного положения (п. «в» ч. 2 ст. 159 и ст. 160 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ)².

В. А. Григорьев и В. В. Дорошин насчитывают 80 составов преступлений, которые при определенных условиях можно будет отнести к числу коррупционных³.

С. И. Паршин в диссертационном исследовании классифицирует коррупционные преступления на две группы – преступления, нарушающие нормальное функционирование экономики России (разд. VIII УК РФ), и преступления, нарушающие нормальное функционирование государственной власти России (гл. 30 УК РФ)⁴.

¹ См.: Аминов Д. И., Гладких В. И., Соловьев К. С. Коррупция как социально-правовой феномен и пути его преодоления. М., 2002. С. 116.

² См.: Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. (Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе).

³ См.: Григорьев В. А., Дорошин В. В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/2042> (дата обращения: 25.09.2017).

⁴ См.: Паршин И. С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.

В научных исследованиях А. И. Долговой, С. В. Максимова, А. Е. Володина, А. В. Коваль, Е. В. Марьиной обозначены подходы к видовой классификации коррупционных преступлений. Анализ авторских точек зрения по вышеуказанным подходам свидетельствует об отсутствии среди них серьезных разногласий по субъектам коррупционных преступлений, их корыстной направленности, целям извлечения преимуществ и выгод, но при этом нет единого толкования в обозначении конкретных составов преступлений, которые следует относить к преступлениям указанной категории. Следовательно, круг коррупционных преступлений и поныне определяется авторами произвольно, в зависимости от методики направленности, системности и объема исследований, а также комплексного подхода к рассматриваемой проблематике. Но это лишь точки зрения ряда ученых, которые не могут полностью преодолеть существующую на данный момент неопределенность в отношении вопроса о том, какие составы преступлений относить к коррупционным, — это может сделать только законодатель. Отсутствие легального определения коррупционного преступления и перечня его видов не позволяет на правовой основе определить реальные показатели коррупционной преступности в нашем государстве.

Согласно действующему в настоящее время Перечню № 23 в Указании Генеральной прокуратуры РФ и МВД России № 187/86/2 «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» ведется статистический учет преступлений коррупционной направленности. Хотя все же отождествлять понятия «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» нельзя. Первые отражают суть коррупции, а вторые — с ней тесно связаны.

В то же время «преступления коррупционной направленности» — понятие весьма широкое, включающее и собственно деяния, являющие собой сущность коррупции (получение взятки, дача взятки, коммерческий подкуп, другие проявления подкупа), и деяния, которые сопутствуют им (например, указанные в ст. 169, ч. 3 ст. 210, ст. 293 УК РФ). Кроме того, в последние годы в науке и практике появились такие собирательные понятия как, например, «преступления экстремистской направленности», «преступления террористического характера» и др.

При этом в соответствии с официальным разъяснением к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния только при наличии ряда субъективных признаков: это надлежащий субъект (прим. к ст. 201, 285) с обязательным наличием у него корыстного мотива и в связи с его служебным положением, а также отступлением его от прямых обязанностей и полномочий. При этом совершение преступления возможно только с прямым умыслом. Следовательно, субъективные признаки коррупции являются, по сути, определяющими факторами для уточнения признаков и состава коррупционного преступления.

Исключение составляют преступления, во-первых, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами, имплементированными в национальное законодательство. Во-вторых, связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной

организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного предоставления такой выгоды. Речь идет о составах преступлений ст. 174, 174.1 УК РФ — легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; ст. 175 УК РФ — приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем; ст. 178 УК РФ — недопущение, ограничение или устранение конкуренции и др.

В то же время вызывает сомнения и определение «специального субъекта» в понятии коррупционного преступления, т. к. отсылочная норма к лицу, подпадающему под признаки, предусмотренные ч. 1 примечания к ст. 201 УК РФ или ч. 1–4 примечания к ст. 285 УК РФ, не охватывает всех коррупционных преступлений. Следовательно, лишь часть коррупционных преступлений подпадает под это определение. Что же касается термина «коррупционные преступления», то он также активно используется как в научной, так и в юридической практике вовсе без определенных границ.

По мнению автора, назрела необходимость не только теоретического, но и нормативно-правового разграничения понятий «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» и наполнения каждого из них конкретным содержанием. Хотя, если, с некоторыми оговорками, составители Перечня № 23 уже справились с одной из данных задач, то другая — определение параметров понятия «коррупционное преступление» — еще не решена окончательно и не отражена на уровне законов или подзаконных нормативных актов.

Таким образом, подлинная, не идеализированная и не мифологизированная история Российского государства подтверждает, что коррупция наряду с другими государственными недугами (беззаконием, бесправием большинства населения, воровством и др.) всегда была распространена в стране. Причем причины возникновения и проявления коррупции на всех этапах становления и развития государственных институтов власти были разными, но связь ее с государственным аппаратом на протяжении веков оставалась нерушимой. Она представляет собой явление, неотделимое от истории, присущее большинству стран мирового сообщества, вне зависимости от их социального и экономического развития, и в то же время не имеющее до сих пор единственного канонического определения. Следовательно, время лишь изменяет формы коррупции. Во все периоды человеческой цивилизации слишком многое решал и решает личный морально-нравственный и этический фактор власти и, конечно же, «материальные соблазны», питающие коррупцию.

Пристайный библиографический список

1. Артемьев, А. Б. Антропология коррупции / А. Б. Артемьев. — М. : Изд-во юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2016. — 272 с.
2. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. — М. : Алетей, 2015. — 236 с.
3. Гончаренко, Г. С. Коррупция как угроза обществу / Г. С. Гончаренко. — Ростов н/Д : Книга, 2015. — 432 с.
4. Гриб, В. Г. Противодействие коррупции : учеб. пособие / В. Г. Гриб, Л. Е. Окс. — М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. — 191 с.
5. Моисеев, В. В. Государственная политика противодействия коррупции в современной России / В. В. Моисеев. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 505 с.

References

1. Artem'ev, A. B. Antropologija korrupcii [Anthropology of corruption] / A. B. Artem'ev. – M. : Izdatel'stvo juridicheskogo instituta (Sankt-Petersburg), 2016. – 272 p.
2. Bor'ba s vetrjanyimi mel'nicami? Social'no-antropologicheskij podhod k issledovaniju korrupcii [Fight against windmills? A socio-anthropological approach to corruption research]. – M. : Aletejja, 2015. – 236 p.
3. Goncharenko, G. S. Korrupcija kak ugroza obshhestvu [Corruption as a threat to society] / G. S. Goncharenko. – Rostov n/D : Kniga, 2015. – 432 p.
4. Grib, V. G. Protivodejstvie korrupcii : ucheb. posobie [Combating corruption: training manual] / V. G. Grib, L. E. Ox. – M. : Moskovskaja finansovo-promyshlennaja akademija, 2011. – 191 p.
5. Moiseev, V. V. Gosudarstvennaja politika protivodejstvija korrupcii v sovremennoj Rossii [State anti-corruption policy in modern Russia] / V. V. Moiseev. – M. : Direkt-Media, 2014. – 505 p.